

УДК 902

Е. В. Газдюк

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

В статье, на основе опубликованных материалов, анализируется проблема китайской миграции в Красноярском крае на современном этапе.

Россия, Красноярский край, китайская миграция, официальная и нелегальная, китайские рабочие, туристы и студенты

Проблемы китайской миграции в Россию, тенденции ее развития, а также ее последствия для отдельных ее регионов дискутируются уже не одно десятилетие. И, тем не менее, в российском обществе по сей день не перестают говорить о возможных последствиях для страны, связанных с усиливающейся в нашу страну китайской миграции. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что главная причина, которая вызывает тревогу общественности, состоит не столько в самой миграции китайцев в нашу страну, сколько в отсутствии достаточно ясной информации по этому вопросу. Так, доступная для широкого читателя официальная статистика, публикуемая в соответствующих ежегодниках, не показывает, к сожалению, всего многообразия миграционных движений граждан КНР в Россию, не раскрывает истинных масштабов, виды и направления миграции китайских граждан. Это происходит потому, что у нас отсутствует единая система показателей, оценивающих, к примеру, масштабы нелегальной миграции граждан КНР, нет полных и достоверных данных о численности привлекаемых трудовых мигрантов из Китая. При этом следует отметить немаловажную деталь: официальные данные о миграции, публикуемые в статистических ежегодниках, отражают только регистрацию китайских граждан, прибывших в Россию на постоянное жительство. Легальные же, «трудовые» мигранты, имеющие временную регистрацию, учитываются, как правило, отдельно, а вот «нелегалы», к глубокому нашему сожалению, официально нигде не учитываются.

Вот это-то отсутствие достоверной информации о китайской миграции и порождает массу самых противоречивых слухов и домыслов. Вот лишь некоторые из них, могущие как-то характеризовать ситуацию, складывающуюся вокруг китайской миграции. «Если большинство нелегальных иммигрантов, — указывает один из источников, — рассматривают Россию в качестве транзитной территории и стремятся оказаться на Западе, то китайцы, напротив, они оседают у нас. Вывески на китайском уже можно видеть сегодня на рынках Иркутска и Красноярска, не говоря уже о более близких к границе городах» [1, с. 9]. «Многие красноярцы, от простых сельчан до госчиновников, — вторит другой, — уверены, что лет через десять смешанные браки и массовая миграция приведут к прогрессирующей «китаизации» крупнейшего сибирского региона» [2]. В этом же духе подают информацию о китайской миграции и электронные, и печатные СМИ Красноярского края.

Основываясь на аналитических материалах и документационной отчетности УФМС России по Красноярскому краю, официальных статистичес-

ких публикациях Федеральной службы государственной статистики (Красноярскстат), личных беседах с представителями государственных и законодательных структур, наиболее полно информированных о миграционной ситуации и положении с трудовыми ресурсами в крае, с китайскими мигрантами и других материалах, нами предпринята попытка составить реальную картину китайской миграции в Красноярском крае.

Появление и формирование китайского «присутствия» в Красноярском крае основывается на основе давних экономических связей, имевших место между Россией и Китаем. Впервые представители Поднебесной империи прибыли в Приенисейский край и получили здесь (в частности, в Красноярске — *Е. Г.*) право на торговлю в 1869 г. [3, с. 94]. Однако уже к середине XX в. в регионе сложилась устойчивая китайская диаспора, насчитывавшая в 1959 г. — 1841 чел. [4, с. 153]. В Красноярске даже появился район компактного поселения китайцев (поселок Бугач — *Е. Г.*). Однако обострение советско-китайских отношений в 60-х гг. XX в. значительно сократило численность китайской диаспоры, причем в значительной степени за счет ассимиляции. Если, к примеру, старики еще продолжали сохранять свои национальные традиции и поддерживали земляческие отношения между собой, то молодежь активно растворялась в русской среде. К концу 80-х гг. прошлого столетия в крае сохранились лишь незначительные остатки былой диаспоры: по переписи 1989 г. в нашем регионе проживало 453 китайца [5].

С начала 90-х гг. в Красноярский край начали опять массово приезжать китайцы на заработки. Их приток в те годы оказался настолько мощным, что власти оказались не в состоянии справиться не только с регулированием, но и с подсчетом миграционного потока, что отразило, в принципе, и общероссийскую ситуацию. Об этом открыто говорили нам хорошо информированные должностные (в то время — *Е. Г.*) лица, в частности, бывший прокурор г. Красноярска Н. Н. Жукова. «Работники Красноярской транспортной прокуратуры и милиции, — говорила она, — прямо заявляли, что они не в состоянии удержать этот вал, проверить наличие необходимых документов у прибывших из Китая. Да и проверять — то их было незачем, ибо и так было ясно, что все они едут без приглашений и вызовов. Проблема учета и контроля за пребыванием китайцев в Красноярске обострялась прямо на глазах» [6]. Проведя массовые проверки мест проживания и экономической деятельности китайцев, сотрудники органов внутренних дел Красноярского

края неизменно выявляли и выявляют сотни нарушений, в частности, факты нелегального проживания китайцев в нашем регионе в течение длительного времени (т.е. их проживание по просроченным визам).

При этом, что тоже достойно сожаления, информация о китайском присутствии в нашем регионе, имеющаяся в соответствующих органах, в оценке численности китайцев на территории края весьма разрознена и зачастую имеет значительные расхождения. Так, согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., в Красноярском крае китайцы не выделены по численности среди других национальностей. Они занимали скромное для себя 34 место (в крае было зарегистрировано всего 665 китайцев — Е. Г.) [7, с. 12]. Однако, по мнению лидера китайской общины — Марии Чжао Хун — на тот же период в Красноярске находилось 6-7 тыс. чел. сезонных мигрантов из КНР, а в других городах края — до 500 чел. в каждом [8, с. 53]. Иначе говоря, можно с полным правом утверждать, что вышеуказанная перепись не отражает, к сожалению, всей полноты и сложности миграционной ситуации, особенно там, где это касается миграции временной и нелегальной. Сезонная же миграция переписью вообще упущена.

Согласно же материалам УФМС России по Красноярскому краю, масштабы китайского присутствия в нашем крае ежегодно нарастают. Опираясь на них, можно составить следующую картину «временного» посещения гражданами КНР нашего края: в 1997 г. наш регион посетили 1576 граждан КНР, в 1998 г. — 721, в 1999 г. — 1223, в 2000 г. — 1546, в 2001 г. — 2150, в 2002 г. — 2523, в 2003 г. — 2080, в 2005 г. — 4800, в 2006 г. — 6668, в 2007 г. — 11571 и в 2008 г. — 15551 человек. Анализ миграционных процессов граждан КНР последних лет показывает, что количество осевших китайцев на территории Красноярского края, изменялось в прямой зависимости от экономической ситуации в нашей стране. Так, во второй половине 90-х гг., в период отсутствия экономического роста, число въезжающих граждан КНР в Красноярский край было стабильно низким, примерно 1200-1500 человек в год. Августовский кризис 1998 г., вызвавший разорение многих мелких предпринимателей и торговцев, а также падение платежеспособности большинства россиян сократил число въезжающих до 700 человек в год. Резкий скачок в этом плане, в связи с оживлением российской экономики, произошел в 2001 г. Тогда в регион прибыло почти 2150 человек. С этого времени и вплоть до 2008 г. наблюдался стабильный рост числа мигрантов из КНР, причем с преобладанием лиц, прибывших с соблюдением «визового порядка». По оценке уже упоминавшейся выше Марии Чжао Хун, ныне в Красноярском крае проживает около 20 тыс. китайцев, включая сезонных рабочих, из которых до 20% ее соотечественников проживают нелегально [9]. Предположения лидера китайской общины не расходятся, в принципе, и с показателями, имеющимся в распоряжении государственных органов края и прежде всего, прежде всего УФМС. При этом, Мария Чжао Хун уверенно прогнозируют дальнейший рост китайских

мигрантов, утверждая, что, по ее наблюдениям, в последнее время число ее соотечественников в крае будет непременно увеличиваться.

Характеризуя поток мигрантов из Китая в Красноярский край, следует отметить «неоднородность» последних. В их составе можно выделить несколько групп. Но в числе последних преобладают, как правило, трудовые мигранты, студенты и лица, прибывающие в качестве туристов.

Выше мы уже упоминали, что наиболее значительное число мигрантов в нашем крае — это трудовые мигранты. Например, в 2007 г. из 11571 китайцев, прибывших к нам, 8950 человек (или 77,3% от общего числа) прибыли в край «для осуществления трудовой деятельности». В 2008 г. этот показатель возрос уже до 83,6% (т.е. из 15551 прибывших, рабочие составляли — 13000 чел.). Только за последние четыре года количество граждан КНР, въехавших на территорию края «с целью осуществления трудовой деятельности», увеличилось более чем в 2 раза.

Согласно данным, полученным в отделе по вопросам трудовой миграции УФМС по Красноярскому краю, на 1 января 2009 г. разрешения на привлечение и использование иностранной рабочей силы, в частности, из КНР имели 113 юридических и 10 физических лиц. В общей сложности у них имелось 267 таких разрешений. По мнению экспертов, основная причина привлечения и использования рабочей силы из КНР заключается в ее экономической выгоды. Использовать китайцев как рабочую силу, по заявлению нанимателей, выгодно, так как работники из КНР отличаются высокой производительностью труда, а расходы на их заработную плату гораздо ниже, чем на оплату труда местных рабочих.

Вторая значительная группа китайцев, прибывающая в край, представлена туристами и деловыми людьми. Согласно данным, предоставленными отделом оформления виз, разрешений, приглашений и регистрации иностранных граждан УФМС России по Красноярскому краю, в 2007 г. с «туристическими и деловыми целями» наш край посетил 2251 гражданин КНР, в 2008 г. — 2261 чел. Однако, по мнению главного инспектора данного отдела Н.В. Осиповой, большинство находящихся на территории края в качестве туристов китайских граждан осуществляли трудовую деятельность.

Третью группу, пожалуй, самую малочисленную из общего числа китайских граждан, находящихся в нашем крае, составляют студенты. Высокая стоимость образования в Китае и невысокие образовательные требования приучили китайцев к мысли о желательности обучения молодежи за пределами страны. Поток китайских студентов, отправляющихся на учебу в другие страны, увеличивается с каждым годом. Однако Россия в качестве «образовательного центра» привлекает очень ограниченное число китайцев. Например в 2003 г. на учебу в Россию выезжал только один китаец из 12 отправившихся учиться за рубеж [10, с. 23]. Се Хуань, студентка КПУ им. Астафьева, прокомментировала эту ситуацию следующим образом: «В Россию учиться едут только те китайцы, у которых нет средств обучаться в Европе. Плата за обу-

чение в российских вузах значительно дешевле, чем в западных странах, но есть огромный минус — дипломированный специалист из России (т.е. получивший образование в России — *Е. Г.*) менее востребован в Китае, чем, например, из США». По данным Департамента международного сотрудничества Сибирского Федерального Университета и Международного отдела КГПУ им. В.П. Астафьева, в настоящее время, в Красноярском крае обучаются около 300 студентов из КНР. По оценкам преподавателей, в отличие от конца 90-х гг., когда немало китайцев, получивших студенческую визу, на самом деле занимались «челночной торговлей», ныне это — настоящие студенты, возможно, и подрабатывающие, помогая торговцам, но нацеленные именно на получение высшего образования или ученой степени, а не на занятие бизнесом. По учебной визе из Китая приезжают не только студенты китайских вузов (на основании программы студенческого обмена, например Института «Восток» г. Харбина с СФУ и КГПУ им. В. П. Астафьева — *Е. Г.*), но и лица, имеющие среднее или среднее специальное образование с целью изучения русского языка. Так, например, при педагогическом университете два года назад были открыты курсы «Русский язык как иностранный» для китайских граждан. Многие китайские студенты после получения образования не скрывают желания остаться в г. Красноярске. Так, студенты КГПУ им. В. П. Астафьева Ван Кайдун и Чэнь Сяоли основной причиной остаться в нашем городе называют трудность устроиться на работу в тех городах Китая, откуда они приехали (Харбин и Чанчунь).

Анализ полученных автором данных свидетельствует о том, что подавляющее большинство китайских работников — временные мигранты, прибывшие в Красноярский край для занятия предпринимательской деятельностью, торговым бизнесом, а также рабочие и служащие, прибывшие с целью обычного трудоустройства по контрактам. Председатель китайской общины Мария Чжао Хун так прокомментировала данную ситуацию: «Приезжие китайцы редко остаются жить в нашей стране. Они здесь работают — зарплата на их родине в десятки раз меньше той, которую они зарабатывают здесь. В Китае жить дешевле, можно год работать здесь, а там спокойно жить 2-3 года, и у них там квартиры, здесь же все это дорого — и квартира, и машина» [11]. Но, несмотря на это, значительная часть китайских граждан более или менее постоянно проживает и работает в крае. По данным опроса, более 50% китайцев проживают в крае от 1 года до 3 лет, и почти одна треть — от 3 до 5 лет. Таким образом, имея краткосрочную визу, ее обладатели проживают в России значительно дольше, находясь, таким образом, в чужой стране на нелегальном положении.

Если говорить о китайской миграции в Красноярском крае, то она практически вся относится к «сезонной» или «маятниковой». Первая является собой ничто иное, как временный приезд китайцев для выполнения определенных хозяйственных работ: сельскохозяйственных, строительных, лесозаготовительных и др. Для второго вида миграции, т.е. маятниковой, характерны регулярные поездки из КНР в Россию и обратно. Экономическая специализация «маятниковых» китайских мигрантов — это челночная мелкооптовая и розничная торговля, неформальный бизнес.

Однако характеризуя «стационарную» миграцию китайцев в наш край, следует отметить, что она, в принципе, не стала заметным явлением в жизни нашего региона. Категория китайских граждан, получивших вид на жительство или российское гражданство, является самой малочисленной на территории нашего края. В Красноярском крае в 1993—1997 гг. проживало около 86 китайцев, имевших вид на жительство [12, с. 276]. К 2003 г. их численность сократилась до 68 чел. По данным УФМС края, за последние пять лет вид на жительство оформил 181 китайский гражданин. Что касается принятия проживающими в крае китайцами российского гражданства, то такие случаи единичны. Например, с 1994 по 2004 гг. лишь 4 китайца получили гражданство, в 2008 г. — 2. Как отмечает известный китаевед А. Г. Ларин, количество китайцев по всей России получивших российское гражданство, не превышает несколько сотен человек [13, с. 56]. По мнению ряда исследователей к настоящему времени единственная развитая и структурированная китайская община сформировалась лишь в Москве [14]. Для Красноярского края процесс формирования постоянного китайского населения, в отличие от Москвы, носит ограниченные масштабы и отличается замедленными темпами. В среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе ситуация, вероятно, изменится. Число китайцев, постоянно проживающих в крае, будет расти по мере роста потребности в рабочей силе, а также по мере роста развития отмеченных социально-экономических процессов в самом Китае.

Таким образом, несмотря на то, что Красноярский край не имеет общих границ с Китаем, его давние исторические связи, экономические возможности, положение на коммуникациях делают край весьма важным объектом транзита, временного пребывания и оседания китайцев на его территории. В связи с этим, можно прогнозировать сохранение, а возможно, и увеличение миграционных потоков из КНР, которые могут принять гораздо большие размеры, если со стороны органов государственной власти всех уровней не будет налажен и осуществляться на деле должный контроль за китайской миграцией.

Библиографический список

1. Горбачев Д. Письмо читателя // Эксперт — Сибирь. 2003. — №10. — С. 9.
2. Кравченко И. Китайское Красноярье // Аргументы и время. 2006. 25 мая.
3. Дацышен В. Г. Проблемы китайской миграции в Приенисейском крае в XX веке / В. Г. Дацышен // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края: материалы научно-практической конференции. — Красноярск, 2004. — С. 94.
4. Этноатлас Красноярского края. — Красноярск, 2006. — С. 153.
5. Национальный состав населения Красноярского края (экспресс-информация, № 8-33). — Красноярск, 2004.
6. Жукова Н. Н. Китайцы приехали / Н. Н. Жукова // Красноярский рабочий. — 1994. — 1 марта.

УДК 902

Э. В. Гордон, Р. В. Мезенцев, П. А. Страшников

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В 1917-1922 ГГ.

В статье, на основе различных опубликованных источников и исследовательских работ, освещен один из самых трагичных периодов истории Советской России — гражданская война 1917—1922 гг.

революция, гражданская война, эскалация, классовая борьба, белое движение, движение «красных», движение «зеленых», террор, свержение самодержавия, интервенция, большевики

Крупнейшей драмой для России начала XX столетия, по праву, стала гражданская война, которая уже свыше десятилетий привлекает внимание ученых, политиков и писателей. Но, несмотря на это, и по сей день нет — и, вероятно, никогда не будет — однозначных ответов на вопросы о том, что же это за исторический феномен — гражданская война в России, когда она началась и когда закончилась.

Гражданские войны, как свидетельствует всемирная история, известны с давних времен. Чтобы убедиться в этом достаточно вспомнить гражданские войны в Англии (XVII в.), в США (XIX в.) и в Испании (30-е гг. XX в.). Но ответа на вопрос «Что это такое?» — нет и по настоящее время. Имеющиеся на сегодняшний день общие суждения о том, что *гражданская война — это война между гражданами одного государства, или самая острая форма классовой борьбы*, не слишком проясняют суть интересующей авторов проблемы. Несколько понятней звучит суждение о том, что гражданская война возникает в стране тогда, когда возможности для диалога и поиска согласия между разными частями общества или исчерпаны, или упущены. Это результат того, что в стране не существует единой системы власти не существует, в силу чего каждая политическая сила начинает заявлять свои претензии на власть и стремится реализовать их военными методами, доказывая при этом свое право выступать от имени народа. И в тоже время ни одна из

этих сил не способна самостоятельно и полностью контролировать ситуацию в стране.

В самом общем виде, по мнению академика Ю. А. Полякова, определение, что такое гражданская война в России, может быть таким: «...это длившаяся около 6 лет вооруженная борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористических акций...». Следовательно, делает вывод ученый, этот феномен следует нам еще изучать и изучать [1, с. 32-41].

И, надо сказать, он изучается. Но его изучение, применительно к России, осложняется рядом обстоятельств. С одной стороны, события 1917 г. в России вполне логично вписываются в многовековой всемирно-исторический процесс, в силу чего они также логично встают в один ряд с революциями и гражданскими войнами, имевшими место в других странах, поражая порой иногда — в отдельных эпизодах — удивительными совпадениями. С другой стороны, вышеназванные события весьма трудно объяснить лишь участием «внешних сил и интри-

гами великих держав». Их в значительной степени следует рассматривать как парадокс отечественной истории, ибо все, что проявилось в наши «смутные годы», было закреплено в ментальных характеристиках нашего народа, а также обусловлено общим развитием Российского государства. Иначе говоря, гражданская война в России, и это вне всякого сомнения, предоставляют исследователю обширный и в то же время очень «пестрый материал», который сразу же понуждает его делать свои обобщения предельно осторожно.

В связи с этим, нельзя обойти вниманием работу известного американского историка Р. Пайпса «Россия при большевиках» (если быть предельно точным, то ее название звучит так: «Россия при большевистском режиме» — *Авт.*), в которой он исследует события гражданской войны в России, начавшейся, по его мнению, сразу же после захвата власти большевиками, и первых лет существования советского режима, вплоть до 1922 года — времени окончания политической деятельности В. И. Ленина. Так вот причины победы красных в гражданской войне Р. Пайпс видит в преимуществах географического положения советской территории. Большевики, пишет он, располагали лучшими коммуникациями, большими запасами вооружения и снаряжения, контролировали основные центры военной промышленности и наиболее населенные губернии, что и обеспечивало Красной Армии большое численное превосходство. Кроме того, большевики имели, с чем нельзя не согласиться, более четкую программу и единое политическое руководство, которому подчинялись войска. Их же противники были раздроблены, причем главную роль у «белых» играли военные лидеры. В силу этого, гражданские правительства и политические программы у них были лишь «придатками» к армиям. В снабжении войска, сетует автор, белые сильно зависели от держав Антанты. Отсюда, по его мнению, и вытекают причины их поражения.

Однако главной из них Р. Пайпс не называет, но она прочитывается во всех других, им перечисленных. Американский исследователь отмечает, что «у большевиков была более обширная социальная база и примерно четверть крестьянства относилась к категории бедняков, для которых служба в Красной Армии была привлекательна уже гарантированным пайком и казенным обмундированием, а также обещаниями большевиков перераспределить в их пользу имущество богатых. На стороне «красных» оказалось и большинство рабочих, хотя некоторые квалифицированные из них поддержали «белых». Именно последние, по заявлению Р. Пайпса, и составляя наиболее боеспособные части в армии Колчака. Эти группы населения, по мнению исследователя, не были привязаны к своим губерниям и их можно было спокойно перебрасывать с фронта на фронт. Сторонники «белых» — зажиточное крестьянство и казачество — не только многократно уступали по численности сторонникам «красных», но и были тесно привязаны к родным местам и неохотно сражались вдали от них. Лишь «немногочисленные офицеры, гимназисты и студенты» составляли надежный костяк белого движения. Среднее же крестьянство, составлявшее боль-

шинство населения страны, не хотело «ни красных, ни белых» [2, с. 120]. И завершает Р. Пайпс свои рассуждения о силах сторон впечатляющими цифрами дезертирства из Красной Армии. «В иные месяцы оттуда дезертировало больше людей, чем [их] было у Деникина» [2, с. 124]. Однако эти данные, на наш взгляд, являются несколько преувеличенными.

Как было указано выше, начало гражданской войны в России Р. Пайпс связал с захватом власти большевиками в октябре 1917 г. В этом плане ему возразил Н. Верт, заявивший, что она началась в ноябре 1917 г. [3, с. 126]. В отличие от того и от другого, академик Ю. А. Поляков считает, что гражданская война в России началась в феврале 1917 г., т.е. гражданское противостояние в стране он связывает с Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г. Эту точку зрения поддержали В. Устинов, М. Мунчаев и другие исследователи [4, с. 317]. Правда, были и такие, кто не согласился с подобной датировкой начала гражданской войны в России. В частности, российский историк Г. З. Иоффе, который пошел еще дальше. «Корни, подпочва революции и гражданской войны, — заявил он, — далеко в дооктябрьской и дофевральской России. «Взрывчатое вещество» очень долго копилось там» [5, с. 271].

Столь пристальное наше внимание к началу гражданской войны в России, естественно, не случайно, ибо от датировки ее начала во многом будут зависеть как сама концепция гражданской войны, так и понимание того, какие силы и по каким причинам оказались втянутыми в нее.

Итак, кто же представлял *белое движение*? Но, прежде, чем ответить на этот вопрос — два слова о названии движения, почему «белое». Как известно, белый цвет в России всегда ассоциировался, с одной стороны, с аристократией, а с другой, — с государственностью. Когда в стране началась «смута», вызванная сначала февральской революцией, ликвидировавшей самодержавие, и усугубленная потом октябрьской, устранившей власть буржуазии, то в России, естественно, появились силы, которые вознамерились не только прекратить ее, но восстановить в стране существовавшие до этого «власть и порядок» (российское самодержавие в его классическом виде, а также единую и неделимую Россию в ее исторически сложившихся границах — *Авт.*). Однако они были слабо организованы и численность их постоянно менялась. Свообразным приоритетом для них стала особая, российская государственность, которую они считали «специфически русской». Его «питательной» средой стал великорусский национализм и пренебрежительное отношение к другим народам, антисемитизм (порождение социализма «белые» всецело приписывался евреям — *Авт.*) [6, с. 88]. К сожалению, это были силы, всецело уповавшие на прошлое и никак не хотевшие считаться со свершившимися реальностями.

Второй составляющей «борцов» за былые порядки стал офицерский корпус царской армии, значительно обновившийся (в социальном плане — *Авт.*) в годы первой мировой войны, особенно низший и средний его состав. Если высшие чины, по-прежнему, рекрутировались из числа дворян, то

средний и низший состав офицеров — из мещан, крестьян и рабочих. В силу этого, первые воевали в стане противников Советской власти (и лишь единицы — на ее стороне — *Авт.*), а вторые — на стороне последней.

Третью силу «белого» движения составило казачество, веками формировавшееся как одна из «надежных опор российского самодержавия. В его рядах насчитывалось около 4,5 млн. человек, которым принадлежало 65 млн. десятин земли, только 5,2% которых находилось в частном наследственном владении (в основном у высших войсковых чинов, которым земля была пожалована за заслуги перед Отечеством — *Авт.*), остальная же — в общественном. В силу этого, казачество было весьма привержено к общине, к коллективным формам владения землей. Потому-то большая часть большевистских лозунгов относительно земли не «затронула» душу казаков: земля у них была, а их наделы почти в 5 раз превышали наделы крестьян-общинников Центральной России. И лишь одно привлекало казаков в большевистских призывах — это выход России из мировой войны. В остальном же их лозунги не устраивали казаков, поскольку Советская власть несла им «уровниловку и антирыночность».

И, наконец, последнее звено «белого движения» составили «сторонники прозападного развития России». Тон среди них задавали представители кадетов, других буржуазных партий, финансисты и прозападная интеллигенция, идеалом для которых являлось правовое государство с парламентом и разделением властей, с рыночной экономикой и гражданскими правами.

Вот эти-то, вышеназванные силы и составляли «белое движение», которое вступило в борьбу за власть с большевиками, «красным движением» в целом.

Что же представляло собой последнее? «Красное движение», возглавленное большевиками, вобрало в себя основную часть рабочего класса и беднейшего крестьянства. Программными целями его стало сохранение и утверждение Советской власти на всей территории России, подавление антисоветских сил, укрепление диктатуры пролетариата как главного условия построения в стране социалистического общества. В отличие от «красных», партийный состав «белого движения» был весьма разношерстным. В нем присутствовали черносотенно-монархические, либеральные, социалистические и иные лозунги и призывы.

Говоря о противостоянии «красных» и «белых», следует сказать, что в гражданской войне принимали участие и так называемые «зеленые», боровшиеся и против «белых», и против «красных». Их основные лозунги («Советы без коммунистов», «Советская демократия» — *Авт.*) провозглашали ликвидацию коммун и совхозов, передачу земли крестьянам, «социализацию» фабрик и заводов, гражданские свободы (свободу слова, печати, собраний — для всех — *Авт.*). Словом они были направлены как против диктатуры большевиков, так и против восстановления старых самодержавных порядков. Движение «зеленых», как отмечали исследователи, не было оформленным, оно возникало

стихийно. Его сторонники, не имея достаточных сил (у «зеленых» не было регулярных войск, а вооружение же имевшихся состояло из того, что удавалось добыть в боях — *Авт.*), чтобы противостоять противнику, гибли под ударами и «красных», и «белых» армий. Трагедия «зеленых» состояла еще и в том, что у них не было своей серьезно проработанной политической программы, а в имевшейся — преобладали взгляды эсеро-анархистского толка. Именно представители этих политических направлений и стояли, как правило, во главе повстанческих объединений «зеленых» [7, с. 428]. Однако эсеро-анархистские взгляды их предводителей поддержкой у рабочих, увы, не пользовались. К тому же политически не организованное движение «зеленых» так и не смогло выдвинуть из своих рядов ни одного крупного лидера. Не оправдала себя и партизанская тактика «зеленых» в борьбе против регулярной армии (будь то «белые» или «красные» — *Авт.*). Иначе говоря, раздробленность, мозаичность движения, нереальность целей («Зеленые» отстаивали революционный идеал советской демократии, который как политическая система в действительности существовать не мог — *Авт.*) [7, с. 431] с самого начала обрекли на поражение это, в принципе, широкое движение.

Так же неудачно завершилось, в конечном счете, и «белое движение». Одержателю победу во многом помешали центробежные силы, порожденные революцией, а также «элементы», связанные с революцией и не порвавшие с ней... Против «красной диктатуры», скажут потом лидеры «белого движения», нужна была «белая концентрация власти...». К тому же «белое движение... было движением монархическим и консервативным, .. оно же должно было стать прежде всего национальным движением... Партиям служить мы не хотели... Мы боролись... против партийного посягательства, будь то Высший монархический совет или левые...» [8, с. 10].

Крах же «белого движения» Н.Верг увидел в том, что во главе «белой армии» стояли профессиональные военные, оказавшиеся, к сожалению, «никудашными политиками», которые были не только разобщены личными амбициями, но, руководствуясь, к тому же, весьма непопулярной политической программой — реставрацией в России старых порядков. В противовес им, большевики действовали в этом плане более дальновидно. Чтобы обеспечить себе широкую политическую поддержку со стороны населения, они даже открывали курсы политграмоты, пустив по стране в этих целях агитпоезда, печатали брошюры и газеты [3, с. 147]. Отсюда понятна горечь, сквозившая в выступлении одного из активных участников «белого движения», генерала А. А. фон Лампе: «Белые могли бы победить красных, если бы они сами, в своих методах, в своей деятельности... стали тоже красными. Но, несомненно, и то, что они могли быть только белыми!.. И я хочу верить, что они победят как белые!» [9, с. 32].

Важный аргумент в этом противостоянии — стратегическое положение «белых» и «красных». Большевики, как уже упоминалось выше, удержали в своих руках в течение 1919 г. управление «промышленным сердцем России, с развитой сетью же-

лезных дорог, сходящихся к Москве». Это позволило им свободно маневрировать резервами на угрожаемых направлениях, чего были лишены «белые», разобщенные огромными расстояниями и контролировавшим, главным образом, зернопроизводящие районы с крестьянским населением. Так, в докладе главного командования Антанты от 15 марта 1919 г., в котором шла речь о состоянии и боеспособности всех «белых армий», положение в Западной Сибири оценивалось следующим образом: «...в Западной Сибири пока фронт оборонительный, на котором не может быть предпринято никаких серьезных усилий и где союзники должны ограничиться сохранением достигнутого положения» [10, с. 19]. Однако 4 марта началось, как известно, решительное наступление Колчака от Урала к Волге, хотя соответствующая директива была отдана еще 6 января, а повторная — 15 февраля, т. е. задолго до составления доклада [11, с. 192-193].

Наряду с указанными причинами поражения «белых» в их противостоянии с «красными», исследователи, как ни парадоксально, называют и приверженность первых национальной идее. Политика общенационального объединения всех слоев российского общества была, как подчеркивают они, эффективной лишь до тех пор, пока на европейском театре военных действий продолжалась мировая война и усиление эксплуатации России австро-германским блоком с целью мобилизации ее ресурсов для противодействия державам Антанты вызывало все большее неприятие в российском обществе. Однако окончание первой мировой войны (в ноябре 1918 г. — *Авт.*) существенно изменило характер вооруженной борьбы с большевизмом. Оно превратило войну за независимость России от «германского ставленника» в гражданскую с целью достижения определенных политических целей. Когда в докладе «Об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии» 27 ноября 1918 г. В. И. Ленин заявил, что «история сделала так, что патриотизм теперь поворачивается в нашу сторону» [12, с. 216], то этим он наглядно показал, что большевики прекрасно учли в своей политической работе смену характера во внутрirosсийской борьбе.

И, наконец, два слова о главной, субъективной причине поражения «белых» в гражданской войне. Она, как ни странно, заключалась в морали. «Те высокие нравственные принципы, на которых была заложена Добровольческая армия, — писал в одной из своих статей эмигрантский писатель П. И. Залеский, — тот рыцарский дух, который она носила в себе в первые дни своего существования, постепенно... испарился...» [13, с. 156-157]. Политические амбиции и неумное честолюбие «в штабах и белых правительствах оказывали разлагающее действие на белый тыл». Склоки, «зависть, обман, болезненная подозрительность, — как вспоминал А.К. Кельчевский, — интриги на почве честолюбия, неспособность поступиться своими личными выгодами и интересами в угоду общего дела...» [14, с. 158], вряд ли все это могло «достойно служить целям белого движения». Таким образом, как и в случае с правительством А. Керенского, падение морали в тылу стало, в конечном счете, мостиком к

внутреннему распаду «белого движения» в годы гражданской войны [14, с. 55].

Сложным и не однозначным вопросом при изучении гражданской войны в России был и, по сей день, остается вопрос о терроре — «красном» и «белом». Говоря о нем, исследователь С. В. Устинкин, опираясь на комплекс разнообразных сведений о нем, предложил в свое время свести разговор к двум основным позициям:

1. Массовый террор был навязан большевикам противниками Советской власти, т. е. в ответ на «белый террор» постановлением Совнаркома от 5 сентября 1918 г. был развязан и «красный». Тот и другой по своим целям, с точки зрения большевиков, существенно различались. «Красный», к примеру, был направлен против эксплуататорского меньшинства, стоявшего на пути общественного прогресса. «Белый же революционный террор» был, по их признанию, вынужденной мерой, а его конкретные формы и методы всецело определялись политической целесообразностью [15, с. 97]. Как заметил в свое время — в связи с этим — исследователь В. Ж. Цветков, «историография советского периода, оценивая события Гражданской войны в России, представляла Белое движение всего лишь как составную часть «агрессивных планов Антанты», направленных на свержение советской власти, ликвидацию «завоеваний Октября» и «реставрацию буржуазно-помещичьего строя» [16, с. 59]. Иначе говоря, она всецело акцентировала свое внимание на реакционном характере, на стремлении к восстановлению старых порядков, на полной зависимости «белых» от иностранного империализма, его «военной, материальной и политической поддержки» и как следствие этого «на оторванности белых от народа и крайней узости их социальной базы». Вот таковыми были принципиальные точки отсчета в оценке «Белого движения», которые господствовали в советской исторической литературе.

2. Политические противники большевиков считали, что «красный террор» начался не в 1918 г. Уже в ходе первой русской революции, а затем в феврале 1917 г., подчеркивали они, солдаты и матросы, находившиеся под влиянием большевиков, уничтожили сотни ни в чем не повинных генералов и офицеров, полицейских и чиновников, обывателей и помещиков. После же октября 1917 г. большевики создали — в соответствии со своими идейно-теоретическими установками — свои репрессивные органы, которые и начали массовый террор в государственном масштабе. Словом, «красный и белый террор», утверждали оппоненты большевиков, отличались своими целями. Первый имел, по их мнению, официальное теоретическое обоснование, а потому и носил системный, правительственный характер, в то время как второй использовался лишь для восстановления законности и порядка в стране [15, с. 98]. Используя его, утверждали они, «белые» старались придерживаться правовых норм при проведении карательных акций, в то время как «красные» руководствовались лишь жесткой «революционной законностью».

Анализируя такого рода сентенции, А. В. Посадский, подметил в свое время, что «Гражданская война в столь сложно организованном обществе,

как Российская империя, неизбежно оказалась мультисубъектной, ведь общеизвестно, что В. И. Ленин настойчиво подчеркивал необходимость слияния разных потоков «освободительного движения», чтобы наиболее эффективно мобилизовать потенциал конфликтности, накопленный в России за многие годы» [17, с. 70]. Памятуя об этом, современная отечественная историография не случайно характеризует события 1918—1921 гг. в России как «смуту». Изобличение же «коварства революционного процесса», упреки, взаимное сведение счетов и подобное «политиканство», не будет способствовать, по мнению исследователя, объективному решению этой сложной проблемы, поскольку «гражданская война явилась выражением функционального конфликта в обществе и катастрофой для страны и народа, прежде всего крестьянства. Победителем в этом противостоянии оказался тот, кто сумел склонить на свою сторону последнее, составлявшее более трех четвертей населения страны» [17, с. 73].

Какая же из вышеизложенных точек зрения ближе к истине? Не секрет, что прошлое нашей страны стало, особенно после распада СССР, весьма благодатным полем для разного рода фальсификаций. С одной стороны, безнравственна, на наш взгляд, даже сама постановка вопроса, ибо карательная политика и «красных», и «белых» была одинаково жестока и преступна. Неслучайно профессор С. В. Устинкин писал в свое время, что «начало террора следует датировать не декретами СНК или приказами Л.Г. Корнилова, а расправами над гражданами, не участвовавшими в политической борьбе, невинными жертвами противоборствующих сил» [15, с. 56]. Понятно, что террором каждая сторона намеревалась, с одной стороны, деморализовать своего противника, а с другой, — запугать население, привлечь колеблющихся на свою сторону и удержать таким образом в своих руках власть. Применявшиеся для этого формы, средства и методы были, по сути дела, почти идентичными. Обе стороны сражались за власть, которую каждая из них считала справедливой, а в результате этой борьбы погибли миллионы ни в чем не повинных людей.

В связи со сказанным, отметим, что в ходе гражданской войны в России была впервые применена властная технология, которая, на наш взгляд, преобладает сегодня в мире: освоение дезориентированного сознания через «сваривание» (термин, введенный историком А. В. Посадским — *Авт.*) реальной конфликтности и управление конфликтом в интересах элитных групп. Реальности нашего бытия истории уже не раз доказывали, что успеху такой технологии способствует создание политического поля, в котором любая оппозиция объявляется «врагом», а опасные для статус-кво силы не имеют возможности консолидироваться или вынуждены бороться под чужими знаменами и идти по пути политиканства. Известно, что заставить противника говорить на своем языке — значит, во многом обезоружить его, лишить собственной логики, принудить к метаниям между сопротивлением и диалогом. В этом плане вполне справедливо подметил известный политолог С. Г. Кара-Мурза, что «официальная советская история героизировала гражданскую войну и создала ряд упрощающих мифов.

Сегодня, в условиях общего культурного кризиса, легче эти мифы преодолеть, легче — не значит легко, но это надо сделать» [18, с. 238]. Главный итог размышлений большинства современных историков, заключается в том, что гражданская война была порождена не только классовым, но и цивилизационным конфликтом — по вопросу о том, как надо жить в России, в чем правда и совесть. Эти мотивы звучат и в работе известного русско-американского историка и социолога П. А. Сорокина «Причины войны и условия мира», опубликованной еще в 1944 г., где он пишет, что «Гражданские войны возникают от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая, либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположенном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения» [19, с. 146]. С таким заявлением солидарен и Р. Пайпс. «Русская революция и гражданская война, — пишет он, — не только продемонстрировала неприложимость естественно-научных методов к делам человеческим, но и поставила глубочайшие нравственные вопросы о праве правительства пытаться переделать людей и перекроить общество без их на то соизволения и даже вопреки их воле» [2, с. 152].

Таким образом, для понимания этого периода в нашей истории мы обязаны осознать и запомнить, что гражданская война в России выросла не стихийно, а она была начата и даже объявлена в результате конкретных решений, принятых вполне конкретными политиками. Надо помнить при этом и то, что «война вовсе не выросла из стихийных волнений крестьян или казаков против советской власти — эти волнения были фоном всей политической жизни России с марта 1917 г. и вовсе не обязательно должны были «сложиться» в войну, а фактически решение о войне было принято на Западе и реализовано в ходе интервенции и мятежа Чехословацкого корпуса» [18, с. 240]. Словом, «вялотекущая» гражданская война началась, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, уже в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности. Военные же столкновения и вспышки насилия большей или меньшей интенсивности происходили, подчеркивал он, до конца 1917 г. и события октября не выделялись из этой череды.

Анализируя события гражданской войны, ее периодизацию и сущность, нельзя не учитывать и внешний фактор. Интервенция, и это, вне всякого сомнения, играла важную роль в противоборстве внутренних сил, хотя она и не была решающей, как это подавалось в советской исторической литературе. Интервенционистский корпус был, как известно, немногочисленным. В начале мая 1919 г. его численность не превышала 202,5 тыс. человек, из которых 150 тыс. (к концу войны — *Авт.*) составляли японцы, около 45 тыс. — англичане, 42 тыс. — чехословаки, 13,6 тыс. — французы [7, с. 432].

Итак, кто же повинен в возникшем в России противостоянии? С формальной точки зрения, бе-

зусловно народ, начавший революции (февральскую и октябрьскую — *Авт.*). Однако, если говорить о февральской, то признать руководство какой-либо политической партии в ней — нельзя. Ее совершил народ — рабочие Петрограда и солдаты (в большинстве своем крестьяне, одетые в солдатские шинели — *Авт.*). К революции его подтолкнули объективные причины: неудовлетворенность своим положением, несправие и насилие, переполнившие чашу народного терпения, а также довольно смутное, но сильное стремление изменить существующее положение, строй, создать новое общество, хозяевами в котором были бы люди труда, а не прежние владельцы [20, с. 73].

Объективно все это так, но народ России, положивший начало гражданской войне, не может быть обвинен в том, что он решился на насилие, чтобы разорвать свои цепи в борьбе с теми, кто мешал ему сделать его. Тогда, «Кто виноват в гражданской войне, длившейся с 1917 по 1922 гг.?» — этом сложном, многоэтапном и многофазовым явлении, в котором зримо просматриваются следующие фазы:

а) насильственное свержение самодержавия, положившее начало открытому расколу общества (главным образом по социальному принципу — *Авт.*), когда выковывалось — из материала, накопленного в старой России — первое звено в цепи насилия (февраль—март 1917 г.);

б) усиление социально-политическое противостояния в обществе, усугубленного неудачей российской дипломатии вывести страну «из войны» и установить гражданский мир, что способствовало дальнейшей эскалации насилия (март—октябрь 1917 г.);

в) насильственное свержение Временного правительства, установление советской власти, что породило новый раскол общества, способствовавший дальнейшей эскалации вооруженной борьбы (октябрь 1917 — март 1918 г.);

г) дальнейшая целенаправленная эскалация противоборствующими сторонами насилия и террора, начало локальных военных действий, формирование «белыми» и «красными» вооруженных сил (март—июнь 1918 г.);

д) время ожесточенных сражений между противоборствующими сторонами, при участии иностранных войск (на стороне «белых» и партизан на стороне «красных»), милитаризация экономики, обусловленная военным временем (лето 1918 — конец 1920 г.);

е) постепенное (после окончания крупномасштабных военных операций — *Авт.*) затухание гражданской войны, локализация и ее полное окончание (1921—1922 гг.).

Шестилетняя гражданская война и интервенция обернулись для России величайшей трагедией, имевшей самые тяжкие последствия. Предварительная сумма экономического ущерба, нанесенного ею стране, составила 39 млрд. золотых рублей, а с учетом имущественных потерь населения и того больше — почти 50 млрд. золотых рублей. За годы войны промышленное производство сократилось в 5 раз, добыча угля — в 3 раза, нефти — более чем в 2 раза, а выплавка чугуна (по сравнению с довоен-

ным 1913 г.) — в 33 раза. Экономический потенциал, которым располагала страна на начало войны, не обновлялся на всем ее протяжении. За годы войны почти вдвое уменьшилась численность пролетариата. В силу этого, даже функционировавшие производства испытывали нехватку рабочих рук. Не в лучшем положении находилось и сельское хозяйство: производимая им продукция сократилась, по сравнению с довоенным временем, почти на 40%. Весьма низкой была его техническая оснащенность, почти отсутствовал товарообмен между городом и деревней. Сильно обесценились за годы войны деньги, в силу чего почти повсеместно господствовал натуральный обмен. За годы войны лишилась страна и большей части своего научно-технического потенциала: почти вся политическая, финансово-промышленная, в меньшей степени научно-художественная интеллигенция покинула родину. Словом, за пять лет население России сократилось почти на 13 млн. человек. Значительной степени — это были военные потери, жертвы эпидемий и голода, «белого», «красного» и «зеленого» террора, погромов и интервенции [21, с. 409].

Одним из значимых итогов гражданской войны стали глубокие социальные изменения в российском обществе. В нем не сталоризошла ликвидация целых классов: помещиков, крупной и средней буржуазии. Серьезные потери понесло духовенство, казачество и зажиточное крестьянство. Произошло в стране и перераспределение ранее господствовавшей в ней собственности. Большая ее часть перешла в ведение государства, а часть — беднейшему крестьянству, частью — уничтожена или вывезена за рубеж. Серьезные изменения произошли в среде пролетариата и крестьянства, в первую очередь, за счет «усреднения» их социально-имущественных характеристик. Беднейшие слои городского и сельского пролетариата, улучшив свое экономическое положение, стали оказывать заметное влияние на политическую жизнь страны. Став опорой советскому режиму, ранее эксплуатируемые слои населения получили известный доступ к управлению страной. Но вместе с тем, имело место и противопоставление вышеперечисленных категорий населения другим слоям общества, в частности, высококвалифицированным рабочим и инженерам в городах и середнякам в деревнях.

Существенные изменения произошли и в системе государственного управления. Гражданская война деформировала, как известно, провозглашенные в октябре 1917 г. принципы советской демократии. В новой ситуации диктатура пролетариата «выродилась» в диктатуру партии, а система Советов лишь номинально являлась основой строя, ибо отныне гораздо большее значение стали иметь партийные и чрезвычайные органы. После войны была, как известно, отменена смертная казнь. Однако, спустя год, это обернулось «красным террором», а временный орган ВЧК стал символом чрезвычайных мер управления. Первоначальное широкое привлечение трудящихся к управлению теперь сменилось становлением новой бюрократии. Находясь в центре формирующейся системы, не смогла избежать изменений и правящая партия. Провозглашаемая ею необходимая «сплоченность» перед «происками»

внутренних и внешних врагов привела к естественному снижению внутрипартийной демократии, к единоначалию и вождизму в партии. Вынужденная сосредоточить все свои силы на сохранении в своих руках всей полноты власти, она стала последовательно отказываться от ранее провозглашенных ею принципов [22, с. 3].

Вместе с тем, итоги гражданской войны имели не только негативные результаты, но и определенное созидательное начало. Так, распад Российской империи, начавшийся в ходе первой мировой войны и усилившийся после февральской революции 1917 г., был приостановлен. Возникшее государство — вне зависимости от воли новых правителей — восстановило тысячелетнее историческое пространство. И хотя территориальные потери составили 800 тыс. кв. км с 30-миллионным населением, Советская республика, тем не менее, нашла приемлемые формы государственного устройства, которое объединило народы России. В ходе гражданской войны России удалось «разрушить» ее экономическую зависимость от западных держав, прекратить вывоз капитала из страны. И это, несмотря на то, что следствием этого «разрушения» стала экономическая и политическая блокада Советской России, которая в перспективе создавала основу для становления подлинно независимого, экономичес-

ки развитого государства. Победа большевиков в гражданской войне нанесла также существенный урон колониальной системе империализма, подорвав ее основы и открывая тем самым зависимым и колониальным странам перспективу их освобождения от власти колонизаторов. Наконец, победа Советов в гражданской войне, последовавшие за этим успехи в строительстве социализма в СССР заставили страны Запада активизировать свои усилия по реформированию своих обществ [21, с. 411].

Но, несмотря на эти положительные моменты, гражданская война в любой стране — это безусловная катастрофа, причем более страшная, чем война с внешним врагом, ибо она раскалывает народ, семьи и даже личность самого человека, она носила и носит тотальный характер, нанося тем самым тяжелые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь всего общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, в силу этого, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство страны в целом. Подавляющее большинство погибших в 1917—1922 гг. потеряли жизнь не от «организованного насилия» — на поле боя или репрессий, а от голода и болезней, от местных, локальных конфликтов, совсем не связанных с целями и планами воевавших меж собою сторон.

Библиографический список

- Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. №6.
- Пайпс Р. Россия при большевиках. — М., 2005.
- Верт Н. История Советского государства. 1900—1991. М.: ИНФРА-М, Изд-во «Весь мир», 2001.
- Отечественная история: Учебник для вузов / Под ред. проф. Ш.М. Мунчаева. — М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1999.
- Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. — М.: Наука, 1989.
- Шерер Ю. «В поисках христианского социализма в России» // Вопросы философии. 2000. №12.
- Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие для вузов. — Брянск — М., 1995.
- Львов Н. «Белое движение». — Белград, 1924.
- Лампе А. А. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Деникин А.И., Лампе А.А. Трагедия белой армии. — М., 1991.
- Из истории гражданской войны в СССР. / Ред. Г. А. Белов, А. Ф. Бутенко и др.: В 3 т. Т. 2. — М., 1960.
- Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. — М., 1966.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.
- Залесский П. И. Главные причины неудач белого движения на Юге России // Белый архив. Т. 1.
- Слободин В. П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917—1922 гг.). — М.: МЮИ МВД России, 1996.
- Устинкин С. В. Власть и общество в условиях Гражданской войны // Отечественная история. 1998. №3.
- Цветков В. Ж. Белое движение в России 1917—1922 годы // Вопросы истории. 2000. №7.
- Посадский А. В. Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии. // Полис. 2002. №3.
- Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. — М., 2002.
- Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // СОЦИС. 1993. №12.
- Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
- Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История Советской России. — СПб.: Издательство «Лань», 2001.
- Поляков Ю. А. Гражданская война в России: последствия внутренние и внешние. // Новая и новейшая история. 1992. №4.

Бийский государственный педагогический университет им. В. М. Шукшина
Получено 27.07.09.

E. V. Gordon, R. V. Mezenchev, P. A. Strashnikov

CIVIL WAR IN RUSSIA 1917—1922 YEARS

In article, on the basis of the various published sources and research works, one of the most tragic periods of history of the Soviet Russia — civil war is shined 1917—1922 years.

revolution, civil war, escalation, class struggle, white movement, movement of «red», movement of «green», terror, autocracy overthrow, intervention, Bolsheviks